

Лучше съесть лапши

Духовные поля школы Хуавэй, опоясывающие гору, с их извилистыми межами и насыпями издали напоминали мягкие, наслаивающиеся друг на друга волны. Зелёные террасы, перемежаясь светлыми и тёмными оттенками, поднимались всё выше и выше, пока на полпути к вершине не скрывались в густом белом тумане.

На каждом ярусе, где росли разные виды духовных растений и риса, трудилось около двадцати юношей в одеждах учеников внешней школы. Они подтыкали подолы своих халатов за пояс, закатывали рукава, обнажая крепкие предплечья, и, склонив головы, жали урожай.

Редко кто останавливался поболтать: чем раньше закончишь работу, тем раньше вернёшься к совершенствованию. Согнувшись раз, уже некогда было выпрямиться.

У подножия горы, в прохладной беседке, пятеро или шестеро младших дьяконов надзирали за работой. Они смотрели на ровные ярусы полей, пили чай, грызли семечки, и на их лицах играли улыбки довольства и наслаждения, словно они приехали на весеннюю прогулку и в любой момент готовы были разложить кости для игры.

Однако стоило спуститься с инспекцией старшему дьякону или случайно пройти мимо кому-то из старейшин внутренней школы, как эти люди, словно испугнутые птицы, тут же устремлялись к полям.

Одни лично принимались помогать, другие вытирали пот со лбов учеников, третьи громко покрикивали:

— Все усердно трудятся! Здесь поднажмите!

В этот момент один из них воскликнул:

— Это не Сун Цяньцзи ли?

Разговоры и смех в беседке тут же стихли.

Сун Цяньцзи был особенным учеником внешней школы. Сверху пришло распоряжение: его больше не привлекать к работам. Что бы он ни делал, если это не нарушает правила школы, закрывать на это глаза.

Дьяконы с изумлением смотрели, как Сун Цяньцзи направляется к полям, а за ним следует алая тень.

— Как здесь оказалась старшая госпожа?

Они поспешно встали, оставили чашки, выплюнули шелуху от семечек и вышли из беседки, чтобы поприветствовать её.

Чэнь Хунчжу жестом велела им остановиться и бросила на них предостерегающий взгляд.

Дьяконы замерли: подойти не смели, вернуться и сесть — тоже. Им было тяжелее, чем ученикам, работавшим в поле.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Чэнь Хунчжу.

— Смотрю, — ответил Сун Цяньцзи.

Он ходил вокруг полей, то оглядываясь, то склоняя голову, изучая работу формаций в земле и движение духовной энергии в воздухе.

На духовных полях школы Хуавэй не нужно было беспокоиться о солнце, дожде, воде или почве. В земле и на вершине горы были установлены многоуровневые формации, которые регулировали духовную энергию, вызывали облака и дождь, позволяя духовным растениям созреть за одну ночь.

Ученики внешней школы один день сажали рассаду, а на следующий уже собирали урожай.

Здесь выращивали только обычные духовные растения и рис для нужд внутренней школы. Некоторые особые виды, используемые в медицине и алхимии, драгоценные и капризные, которые цвели и плодоносили раз в несколько десятков, а то и сотен лет, выращивались под присмотром лекарей или алхимиков.

Сун Цяньцзи сорвал колос, полный зёрен, и слегка нахмурился.

Растения, выращенные с помощью формаций, хоть и росли буйно, казались какими-то застывшими, безжизненными, в отличие от буйной зелени его собственного огорода.

У него не было опыта в земледелии, он всему учился сам, методом проб и ошибок.

Ежедневно заботясь о жизни в своём огороде, он и сам незаметно стал относиться к миру мягче.

Возможно, старый монах из Храма Красных Листьев был прав: создавать жизнь труднее, чем разрушать. Спасти одного человека труднее, чем убить.

Чэнь Хунчжу следовала за Сун Цяньцзи, снося удивлённые взгляды окружающих учеников. Она хотела что-то сказать, но, подавив любопытство, молчала. Видя, как он сосредоточен, она не хотела ему мешать.

Но если она не мешала, это не значило, что не помешают другие.

— Старший брат Сун, подождите, пожалуйста!

Голос, принадлежавший одному из учеников внешней школы, звучал громко и смело.

Увидев, что Сун Цяньцзи действительно остановился и обернулся, он испугался и, запинаясь, тихо поздоровался:

— Старший брат Сун, здравствуйте, у меня к вам дело, хотел бы попросить...

Чэнь Хунчжу вспылила:

— Есть дело — говори, что мямлишь!

Ученик так испугался, что готов был бежать, но, что-то вспомнив, глубоко вздохнул:

— Я... я слышал от старшей сестры Чжоу, что если преподнести старшему брату мешочек семян, то можно получить его наставление...

Сун Цяньцзи замер, собираясь сказать, что ничего подобного не было.

Мэн Хэцзэ и его друзья помогали ему собирать семена, и иногда, когда у них возникали трудности в совершенствовании, он давал им советы. Но это было мимоходом, без передачи каких-либо глубоких техник или долгих разговоров. Просто и естественно, как поднять упавшую бутылку с маслом.

Но ученик, видимо, уже решился и, набравшись смелости, достал из рукава мешочек для хранения:

— Если я чем-то обидел вас раньше, прошу прощения. Сегодня я принёс вам мешочек семян бальзамина и осмелюсь просить вашего наставления!

Он говорил твёрдо, но в душе его бушевала тревога. Он только что записался на показательные бои и тоже хотел получить шанс на лучшее будущее.

«А вдруг Чжоу Сяююнь просто посмеялась надо мной? Или я от отчаяния ослышался, и вместо

„мешочка семян“ было „мешочек духовных камней“?»

В последнее время несколько учеников, общавшихся с Сун Цяньцзи, заметно продвинулись в совершенствовании, что вызывало зависть. Кроме Мэн Хэцзэ, который и так был талантлив, все остальные были обычными.

У учеников внешней школы не было наставников, они полагались на собственное понимание и усердие. Внутренняя школа монополизировала не только тайные техники и артефакты, но и ключи к просветлению, и опыт совершенствования.

Когда ученики внешней школы приходили в Зал Обучения или Библиотеку, старейшины относились к ним холодно и с крайним нетерпением. Даже если они и снисходили до ответа, то бросали пару загадочных «истинных слов», которые приходилось потом долго разгадывать.

Сун Цяньцзи уже собирался сказать «нет», как вдруг услышал слова «семена бальзамина».

Он кашлянул и произнёс:

— Не то чтобы нельзя, спрашивай.

Таких семян у него ещё не было, они отлично подошли бы для посадки у ворот.

Ученик не ожидал, что всё будет так просто. Он подошёл ближе, его лицо покраснелось от волнения:

— Спасибо, старший брат!

Чэнь Хунчжу, видя это, пробормотала что-то о том, что он может знать о совершенствовании, но отошла в сторону, чтобы полюбоваться видами полей, давая понять, что не хочет подслушивать.

— У меня в теле достаточно духовной энергии, и во время медитации она циркулирует без малейших препятствий, — тихо спросил ученик. — Я чувствую, что достиг совершенства на втором уровне переработки ци, но почему я никак не могу прорваться на третий?

Он хотел было продолжить, но Сун Цяньцзи, взглянув на него, прервал:

— Действительно, совершенство. Последние полмесяца твоя духовная энергия циркулировала только внутри тела, ты её совсем не расходовал?

Ученик удивился:

— Я готовился к прорыву, был очень осторожен и боялся её тратить.

— Духовная энергия в меридианах — как вода в оросительных каналах. Если ты её не используешь, она превращается в стоячую воду, откуда взяться жизни? Луна, достигнув полноты, начинает убывать; вода, наполнив сосуд, переливается через край. Попробуй полностью израсходовать свою духовную энергию, заменив старое новым, и всё произойдёт само собой.

Ученик на мгновение застыл в оцепенении, а затем его глаза засияли. Он низко поклонился:

— Спасибо, старший брат.

— Не стоит.

Сун Цяньцзи принял мешочек, открыл его, чтобы проверить, и, увидев, что семена полны жизненной силы, остался доволен.

Он развернулся и пошёл, а Чэнь Хунчжу догнала его:

— Так быстро закончили? Подожди меня!

Дьяконы в беседке отвели взгляды и переглянулись. Вспомнив свирепый нрав Чэнь Хунчжу, они не знали, завидовать Сун Цяньцзи или сочувствовать.

У ворот Двора Суна персиковое дерево роняло лепестки, а два огорода по обе стороны от входа пышно зеленели. Подойдя ближе, Сун Цяньцзи увидел, как несколько ростков фасоли взобрались по воткнутым им тонким палочкам, распуская усики и листья, и уже достигли ему до пояса. Весенний ветерок колыхал треугольные нежно-зелёные листочки, словно стайка детей махала ему, приветствуя дома.

Сун Цяньцзи почувствовал глубокое удовлетворение.

Чэнь Хунчжу не могла понять, почему этот человек так счастлив. Он должен был быть сложной личностью, но его радость была такой простой и лёгкой.

В небесном просторе вдруг раздался крик журавля.

Чэнь Хунчжу подняла голову. Из-за облаков вылетел журавль, сделал круг над ними и, плавно опустившись, нежно потёрся о её плечо.

Увидев Сун Цяньцзи, он отступил на два шага, его взгляд был настороженным и испуганным,

словно он обладал разумом.

— Это журавль моего старшего брата, он зовёт меня помочь, — сказала Чэнь Хунчжу.

В школу Хуавэй в последнее время прибывали гости, и в зависимости от их статуса, их встречали разные люди. Чэнь Хунчжу отвечала за приём ровесниц из знатных семей.

Понаблюдав за Сун Цяньцзи в этот день, она уже смирилась с тем, что он сильно изменился и теперь интересуется только огородом. Она решила сменить тактику.

Немного подумав, она достала красного бумажного журавлика:

— Это мой талисман для связи, его знают во всех трёх залах. Если захочешь пойти на рынок внизу за семенами, возьми его с собой.

Совершенствующиеся из трёх залов и ученики внутренней школы могли в любое время приводить с собой людей с горы. Например, Цю Дачэн и Сюй Каншань из Зала Порядка знали подпольные казино внизу лучше, чем свой дом. У Чжао Цзихэна был жетон от Зала Дьяконов, и он мог хоть каждую ночь таскать своих прихвостней по весёлым домам.

Только обычным ученикам внешней школы для выхода за ворота требовалась проверка патрулём из Зала Правосудия.

— С этого момента и до Изящного Соборания «Достичь известности», если кто-то из-за Мяо Янь станет тебя донимать, сразу же сообщи мне этим талисманом. В пределах школы Хуавэй я с Истинным приказом появлюсь мгновенно, а за её пределами прилечу на журавле. Уж точно быстрее, чем «тот человек».

— Они ведь не знают, что ты связан с «тем человеком»! Если вдруг, я говорю «если вдруг», не сглазить, с тобой что-то случится... мёртвому уже всё равно. «Тот человек» странствует по четырём морям. Пока он узнает, пока прилетит отомстить за тебя, какой в этом смысл?

Чэнь Хунчжу говорила так горячо, что у неё пересохло во рту. Наконец она увидела, что Сун Цяньцзи взял красного бумажного журавлика и рассматривает его.

Она радостно рассмеялась:

— Я так о тебе забочусь, ты, наверное, очень тронут? Теперь хочешь показать мне, как владеешь мечом?

— Если я не ошибаюсь, это талисман двойного назначения. Он может не только передавать сообщения, но и отслеживать. На нём частичка твоего духовного сознания. Если я буду носить

его с собой, ты будешь знать, где я нахожусь.

— Ты и в талисманах разбираешься? — удивилась Чэнь Хунчжу и, смутившись, почесала затылок. — «Тот человек» научил? Сколько же всего он тебя научил?

Сун Цяньцзи улыбнулся, но не ответил.

Чэнь Хунчжу быстро пришла в себя и с вызовом заявила:

— Этот талисман ты можешь брать, когда пойдёшь гулять вниз. Он показывает только твоё местоположение. Что ты там покупаешь, с кем встречаешься, о чём говоришь — я же не узнаю. Это ведь не слишком?

— Если я его не возьму, ты придумаешь другой способ следить за мной. А это очень затратно по энергии и времени, — серьёзно увещевал её Сун Цяньцзи. — Пока твои мысли не будут сосредоточены, ты не сможешь даже прикоснуться к порогу стадии Золотого ядра.

Чэнь Хунчжу потеряла дар речи и помрачнела.

Она вскочила на журавля и в гневе улетела.

Маленький дворик Сун Цяньцзи преобразился до неузнаваемости.

Когда он переродился, здесь было темно и грязно, всё покрыто пылью. Теперь же стены были отремонтированы, плитка во дворе переложена, мебель заменена на новую. Каждую стену обвивали лианы, у каждой стены стояли цветочные подставки, на которых росли цветы и травы. Под подставками, за изгородями, зеленели грядки, где каждый овощ был свежим и сочным.

Эта зелень, расположенная ярусами, издавала ощущение многослойности. Весь дворик дышал свежестью и жизнью.

Закончив дневные труды, Сун Цяньцзи развалился в подаренном Чжао Цзихэном кресле-качалке, наслаждаясь прохладным ветерком и ясной луной, и ждал ужина.

Он давно уже мог обходиться без еды и не был гурманом, но посаженный им зелёный лук так буйно разросся, что если его не срезать, он перерастёт.

Увидев это, Мэн Хэцзэ вызвался приготовить лапшу с луковым маслом.

В этот момент во двор зашёл один из учеников внешней школы.

— Старший брат Сун, я к вам с просьбой, — сказал он, поклонившись, но не спешил излагать суть дела. Вместо этого он, словно сокровище, протянул мешочек для хранения. — Я принёс мешочек семян глицинии. Тщательно отобрал, ни одного плохого, стоит только посеять — и всё взойдёт.

Когда Сун Цяньцзи ходил по духовным полям, его видели многие. Тот ученик, что принёс семена, задал свой вопрос и, вернувшись, успешно прорвался на третий уровень переработки ци.

Во внешней школе не было секретов, и новость разлетелась мгновенно.

«Глициния, — подумал Сун Цяньцзи. — Такого у меня ещё нет. Очень хорошо»

— Говори, — сказал он, откинувшись в кресле.

Ученик подошёл ближе и понизил голос:

— Старший брат, взгляните. Эта вещь передавалась в моей семье, но потом наш род пришёл в упадок... Я вижу, что это не магический артефакт, и не знаю, для чего он.

На лице ученика читались надежда и тревога. Он боялся, что Сун Цяньцзи скажет, что не знает, что это, и ещё больше боялся, что тот спросит, почему он не отнёс вещь на экспертизу в Зал Дьяконов. Если это действительно ценная вещь, то, отдав её в Зал Дьяконов, он бы уже ничего не получил.

К счастью, Сун Цяньцзи лишь взглянул и ничего не спросил.

— Нефритовая табличка. Не артефакт. Скорее всего, это свиток с техникой. Посмотришь, когда достигнешь стадии Создания основы, тогда иероглифы на ней проявятся сами.

Ученик был вне себя от радости.

— Спасибо, старший брат, спасибо! — повторял он.

— Не за что, — Сун Цяньцзи принял семена. — Можешь идти.

— Старший брат Сун... — ученик опустил голову и замялся. — Я раньше... я...

— У тебя ещё есть дела?

— ...Нет.

— Тогда почему ты не уходишь? — удивился Сун Цяньцзи. — Ждёшь, что я тебя на ужин оставлю?

Услышав это, из дома выбежал Мэн Хэцзэ с большой шумовкой в руке и грозно спросил:

— Кто тут на ужин остаётся? У нас нет лишних мисок и лишней еды!

Обычно такой отзывчивый и честный, старший брат Мэн вдруг изменился в лице.

Ученик, вспомнив, каким свирепым был Мэн Хэцзэ на экзамене, в страхе попятился, споткнулся и кубарем выкатился за ворота.

Мэн Хэцзэ холодно хмыкнул.

Прозвище Сун Ло придумал именно этот человек. Но Сун Цяньцзи, возможно, уже давно об этом забыл.

— Лапша готова? — спросил Сун Цяньцзи.

— Готова, готова!

На каменный стол поставили миску с тонкой лапшой.

Политая луковым маслом, лапша приобрела аппетитный соевый оттенок и источала дивный аромат.

— Старший брат Сун, ты слишком добрый, слишком мягкий. Они все пользуются твоей добротой.

Мэн Хэцзэ вдруг замолчал и сжал кулаки. Он вспомнил, как раньше сам смеялся, когда другие называли Сун Цяньцзи Сун Ло. А потом он и сам получил немало выгод, пользуясь добротой Сун Цяньцзи. Чем он отличается от этих людей? Можно ли его после этого называть благородным человеком?

Сун Цяньцзи, не заметив его душевных терзаний, ел лапшу и невнятно бормотал:

— Да так, мимоходом.

«Семена-то получил я, — подумал он. — Так не я ли тут в выигрыше? Да, точно я!»

Энтузиазм учеников внешней школы к совершенствованию достиг небывалых высот, даже на работу они ходили с большим рвением.

Незаметно никто больше не называл его Сун Ло, а только «старший брат Сун». И это обращение относилось только к Сун Цяньцзи. Другие ученики по фамилии Сун добровольно называли себя младшими братьями.

Потому что все они знали: если возникнут трудности, если не можешь понять даосскую книгу или технику, а старейшины в Зале Обучения тебя игнорируют, достаточно принести мешочек хороших семян, и ты получишь ценный совет и искреннюю помощь от старшего брата Суна.

Если попросишь его оценить сокровище, он никогда не позарится на него. Твоя семейная реликвия для него менее важна, чем тарелка лапши.

Всё это можно было назвать «бескорыстной помощью бедным».

Хотя старший брат Мэн был суров, но если ты, получив ответ, сразу уйдёшь, не будешь напрашиваться на ужин, он тебя не тронет.

Такой выдающийся человек, как старший брат Сун, к тому же записался на каллиграфию и живопись, так что не составлял конкуренции тем, кто собирался участвовать в показательных боях, а наоборот, уменьшал число соперников.

Когда человек становится полезным, все его прежние недостатки превращаются в достоинства.

Он замкнут и держится особняком? Нет, он просто сдержан, но с горячим сердцем, и ему безразлично чужое мнение. Мы его неправильно понимали, и нам должно быть стыдно.

Он не разбирается в красоте? Нет, он достиг такого уровня просветления, что не придаёт значения внешности. Это мы судим по одежке, и это мы слишком поверхностны.

Сун Цяньцзи стал самым авторитетным и уважаемым человеком во внешней школе.

Завидев его издали, люди кланялись ему.

Сун Цяньцзи был искренне счастлив, потому что семян у него становилось всё больше, и их

хватило бы, чтобы сажать ещё много лет после ухода с горы.

А что касается мнения и оценок других людей, то они были для него менее важны, чем прорастающий в его огороде зелёный лук.

На земле кто-то усердно совершенствовался, а кто-то вскапывал землю.

А в небе, в облаках, летали журавли-проводники и летели повозки, запряжённые синими птицами.

Представители разных школ один за другим прибывали в школу Хуавэй. Их одежды и наряды были разнообразны, и зелёные горы вдруг расцвели множеством красок.

Эта весна, как и огород Сун Цяньцзи, обещала быть временем цветения сотен цветов, полной жизни и энергии.

<http://bllate.org/book/16982/1584676>